

Евгений Салиас-де-Турнемир

Сенатский секретарь

Евгений Андреевич Салиас-де-Турнемир

Сенатский секретарь

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2370735*

Аннотация

«...Тележка завернула в другой переулок, повернула опять и остановилась у маленького домика, ярко покрашенного зеленою краской.

Молодая девушка при виде домика уже заволновалась и по-видимому готова была выпрыгнуть на ходу. Едва только тележка остановилась, как из домика за ворота выбежал молодой человек, а за ним поспешно, но переваливаясь с боку на бок, вышла пожилая и полная женщина.

– Что? что? – заговорил молодой человек, помогая девушке вылезти из тележки.

– Все слава Богу! Все хорошо! – отозвалась она. – И царицу видела.

– Как?!

– Видела, видела царицу... Близехонько...»

Содержание

I	4
II	12
III	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Евгений Салиас

Сенатский секретарь

Исторический рассказ

I

В августе месяце 1791 года, около полудня, по маленькому переулку Петербургской стороны двигалась рысцей тележка парой лошадей, усталых и взмыленных. Мужичонко, приткнувшийся на облучке, не только не погонял лошадей, но почти дремал.

В тележке сидела очень молоденькая девушка, совершенно запыленная, но с оживленным лицом. Она с видимым нетерпением поглядывала на возницу и лошадей.

– Подгони, Игнат! – выговорила она жалобно. Слова эти пришлось ей произнести во время пути по крайней мере с полсотню раз. Мужичонко на этот раз очухался, встряхнулся, дернул вожжой, но прибавил:

– Да уж что ж подгонять?! Приехали...

– То-то приехали! Шутка ли? От Царского Села больше четырех часов ехать.

Тележка завернула в другой переулок, повернула опять и остановилась у маленького домика, ярко выкрашенного зе-

леною краской.

Молодая девушка при виде домика уже заволновалась и по-видимому готова была выпрыгнуть на ходу. Едва только тележка остановилась, как из домика за ворота выбежал молодой человек, а за ним поспешно, но переваливаясь с боку на бок, вышла пожилая и полная женщина.

– Что? что? – заговорил молодой человек, помогая девушке вылезти из тележки.

– Все слава Богу! Все хорошо! – отозвалась она. – И царицу видела.

– Как?!

– Видела, видела царицу... Близехонько...

Молодая девушка бросилась на шею пожилой женщине, матери, расцеловалась с ней и затем вошла в дом.

– Ну, Настенька, уж и запылилась же ты! Гляди-ка, вся спина белая... А волосы-то! Смотри-ка, седая или будто в парике напудренном...

– Устала небось? – прибавил молодой человек, влюбленными глазами оглядывая девушку.

– Нет, не устала... Дайте умыться, переодеться, и все расскажу. Все слава Богу! Дядюшка согласился. А царицу видела! Видела...

– Царицу-то как же видела, скажи? – спросила, изумляясь, мать.

– Видела, видела...

– Заладила одно: видела... Да скажи, как, где!..

– Дайте срок, переоденусь, все подробно расскажу. Видела, вот как вас вижу. Поклонилась. И она мне поклонилась, усмехнулась. Ей-Богу!

Переменив платье, девушка вернулась и рассказала подробно все свое далекое путешествие.

Настенька ездила в Царское Село к дяде родному, священнику, чтобы сообщить ему важную семейную новость и просить если не его собственно согласия, то подтверждения решения матери. Дело было важное...

Анна Павловна Парашина уже давно была вдовой и мирно проживала с единственной дочерью Настей на пенсию после покойного мужа, бывшего когда-то актуариусом в берг-коллегии¹. Мать и дочь не бедствовали, кое-как сводя концы с концами, и даже нанимали квартиру в четыре горницы. Но за это лето случилось у них самое крупное, какое когда-либо бывает в жизни, событие. За Настенькой стал ухаживать сенатский секретарь Иван Петрович Поздняк. Это был для Настеньки блестящий жених, так как Поздняк был, кроме того, частным секретарем такого лица, которое быстро шло в гору, – Дмитрия Прокофьевича Трощинского².

После семилетнего вдовства и тоскливой серенькой жизни вдруг обе – и вдова, и семнадцатилетняя Настенька – ста-

---

¹ *Берг-коллегия* – центральное государственное учреждение в России, основанное при Петре I и ведавшее горнорудной промышленностью.

² ...*Трощинский* Дмитрий Прокофьевич (1754–1829) – выпускник Киевской духовной академии; был чиновником при Безбородко, при Павле I – сенатор, в 1814–1817 гг. был министром юстиции.

ли чуть не самыми счастливыми женщинами на весь Петербург.

Поздняк сделал уже предложение, которое было принято с восторгом, и затем испросил разрешения на брак у своего единственного родственника – богатого человека, отставного капитана лейб-компанца, у которого были два дома в Петербурге.

Настенька поехала в Царское Село к родному дяде, священнику, чтобы тоже получить его согласие. Теперь оставалось только просить разрешения начальства.

Когда Настенька рассказала подробно, как дядя был рад ее видеть, как водил ее по всему Царскому Селу, показывал дворец и парк, она перешла к главному происшествию. Раню утром, соскучившись сидеть дома, отправилась она около семи часов по тем же дорожкам парка, где прошла накануне с дядей.

В одном месте, около обелиска, она села отдохнуть на скамейке и тотчас же увидела вдали даму, которая тоже прогуливалась. За ней бежала маленькая собачка. Настя, конечно, и не вообразала, кто это так рано гуляет. Но какой-то работник, копавшийся в клумбе около скамеечки, крикнул ей осторожно: «Барышня, не сиди так-то... Встань! Это царица».

– Так у меня ноги и подкосились, – прибавила Настя. – Как только собралась я вставать, так ноги и онемели... Перепугалась насмерть. Думала, что ж это будет! Однако не успе-

ла еще царица подойти, я справилась с собой, поднялась, и уж по правде сказать, хоть ноги у меня и тряслись, а все-таки я присела так вот... А как приподнялась, так всю царицу разглядела до ниточки, и сто лет проживу – помнить буду.

– В каком же она платье? – спросила мать.

– Не в платье, маменька, а в салопе или в эдаком длинном капоте поверх платья, сером шелковом с позументом. А на голове шляпа с перьями... В руке тросточка... Дяденька говорит, что царица уж сколько лет завсегда так гуляет, все в одном этом одеянии. А за ней собачка всегда. Такая чудная! Вертлявая, тонконогая и все как-то поджмается, будто ей все холодно... Уж как я рада, что повидала царицу. Я все думала, она эдакая большущая да гневная, совсем на чело-веков не похожая... А она такая же барыня по виду. Только лицо светлое, не простое. Видать, что царица.

Анна Павловна была рада, что дочери удалось видеть го-сударыню.

– Это к счастью, – решила она. – Да оно так и выходит. Спроси-ка, Настенька, у Ивана Петровича, какую он весточ-ку сейчас принес.

– Да, Настя! – весело вымолвил Поздняк. – Я сейчас от своего дядюшки. Он обещал мне от трех до пятисот рублей в год давать. А со временем, говорит, если твоя будущая же-на мне придется по душе, то, помирая, откажу вам и вашим деткам изрядный капиталец.

– Слава Богу! – перекрестилась Настя набожно.

До вечера пробеседовали пожилая женщина и жених с невестой. Радость искренняя, полная не сходила с их лиц. Это были теперь самые счастливые люди всей столицы.

Позднyak при наступлении вечера собрался домой, так как у него было много работы. Все служившие при Трощинском не имели много свободного времени.

Молодой человек простился с невестой и с будущей тещей и направился в свою маленькую квартирку на Галерной. До полуночи просидел он у себя за перепиской всяких бумаг, затем лег спать и часа два не мог заснуть, – мечтал о том, как счастливо и удачно поворачивается его жизнь.

Не далее как пять лет тому назад потеряв мать, он остался в Петербурге один-одинехонек, бобылем. Родни близкой никого у него не было. Но тотчас же он был призрен дальним родственником, который занялся его судьбой и, имея в столице друзей, записал его в Сенат.

Прилежанием и аккуратностью Позднyak заставил себя вскоре заметить в числе прочих писарей. К тому же почерк его был настолько красив, что отличал его в глазах ближайшего начальства.

Трощинский был правителем канцелярии графа Безбородко³, и бумаги, писанные Позднyком, обратили на себя внимание графа. Он однажды спросил, как зовут того писаря, бумаги которого попадают у него в числе прочих. Позд-

---

³ ...*граф Безбородко Александр Андреевич* (1747–1799) – государственный деятель, секретарь Екатерины II, светлейший князь, канцлер (с 1797 г.).

няк был графу представлен. После этого раза два или три сам Дмитрий Прокофьевич Трощинский выбирал Поздняка, чтобы переписать несколько важных бумаг для доклада императрице.

В беседах с ним Трощинский заметил дельного, скромного и прилежного молодого малого. Когда два года назад один из сенатских секретарей вдруг умер, то, ко всеобщему удивлению, двадцатитрехлетний Поздняк получил первый чин и заступил его место. Затем спустя полгода он стал частным секретарем Трощинского.

Теперь служебное положение Поздняка стало еще выше благодаря случаю: граф Безбородко уехал в Молдавию заключать мир с турками, а Трощинский стал лично докладывать дела государыне и пошел в гору... Удачи по службе начальника должны были отразиться и на его домашнем секретаре, который считался любимцем начальника.

Прошлою весной молодой сенатский секретарь встретил в Летнем саду двух женщин: пожилую и молоденькую. Сразу влюбился он, и, узнав, что молодая девушка – дочь небогатой вдовы, чиновник познакомился с нею при выходе из церкви, при содействии просвирни. Поздняк не думал никогда о том, чтобы искать жену с приданым, и поэтому он начал часто бывать у Парашиных, усиленно ухаживать за девушкой и наконец сделал предложение.

Настя принесла счастье, так как теперь родственник, которого он звал дядей, совершенно неожиданно обещал круп-

ную ежегодную помощь.

Все ладилось и устраивалось как нельзя лучше. Его жалованье, пенсия Парашиной и помощь дяди составляли ежегодный доход почти в тысячу рублей, на которые по времени можно было жить в довольстве.

II

На другой день в девять часов Поздняк был уже в своем вицмундире в Сенате и сидел около маленького столика, на котором лежала куча дел в обложках. Отдельно от прочих он положил несколько красиво переписанных накануне бумаг. Вокруг него в большой горнице двигались и сидели чиновники целою толпой. Некоторые торчали за столами, ничего не делая, другие скрипели перьями.

Всем, кто подходил к Поздняку, он отвечал рассеянно, хотя лицо его было не задумчивое и не озабоченное, а, напротив, чрезвычайно веселое. Он был настолько поглощен грезами о своем предстоящем счастье и благополучии, что ему не хотелось болтать с сослуживцами о всяких пустяках.

Наконец около полудня солдат с Георгиевским крестом вошел в горницу, прошел ее до половины и выкрикнул:

– Иван Петрович, вас!

Это было почти ежедневное объявление Поздняку, что Трошинский требует его к себе.

Поздняк собрал бумаги, посмотрелся в зеркало и остался совершенно доволен собой. Лицо его, сиявшее счастьем, делало всю его фигуру еще более благообразною и даже приятною каждому. Он был в таком нравственном состоянии, что оно должно было, казалось, действовать на посторонних. На него, по русскому выражению, «весело было смотреть».

Пройдя несколько горниц, Поздняк осторожно отворил дверь, вошел и, приостановившись на пороге, низко поклонился. За большим столом, покрытым зеленым сукном, сидел важный сановник в напудренном парике, но в простом ежедневном мундире.

Это и был Дмитрий Прокофьевич Трощинский, один из дельцов времени Великой Екатерины, не отличавшийся никакими особенными талантами, но сделавший затем при императоре Павле блестящую карьеру благодаря аккуратности и усидчивости в труде, неблагодарном, незаметном, но необходимом в государственной машине.

Трощинскому было около сорока лет. Он был не очень красив собой и смолоду. Крупный, мясистый, слегка вздернутый нос, толстые губы делали его некрасивым, но большие, светлые, умные глаза придавали лицу много жизни.

Пересмотрев поданные Поздняком бумаги, Трощинский молча кивнул головой, отпуская секретаря. Поздняк замялся на одном месте, но затем решил и выговорил:

– Ваше превосходительство! Дозвольте обратиться с нижайшею просьбой...

– Что такое?

– Дозвольте вступить в законный брак...

– Здравствуйте!.. – воскликнул Трощинский, и, подняв свои большие глаза на молодого человека, он просопел и молчал. – Озадачил, братец ты мой! – выговорил он наконец. – Не ожидал я от тебя эдакого пассажи...

Поздняк струхнул и даже слегка покраснел.

– Сколько тебе лет?

– Двадцать пять.

– Э-эх, братец! Обождал бы малость самую.

– Если прикажете... – прошептал Поздняк.

– Самую бы малость обождал. Как этак вдруг жениться...

Ну, пять лет бы обождал...

Поздняк, пораженный, разинул рот и замер на месте. Он думал: месяц, два...

Трощинский снова поглядел на секретаря и, заметив страшную перемену на его лице, прибавил:

– Да ты не пугайся! Я же запретить не могу. Только жалко... Уж какой же ты будешь секретарь, коли женишься?..

– Помилуйте, ваше превосходительство, я...

– Знаю, знаю... Ты-то вот не знаешь. Жена, семья, дюжина детей, возня, хлопоты, заботы... Один в жару, у другого – желудочек, у третьего – под ложечкой, у четвертого неведомо что... Крестины да всякие такие именины и всякая такая канитель... Настоящий чиновник тот, кто бобыль! Я тебя за то и взял... За твое одиночество. Ну, что ж делать! Мне что же... Тебе же хуже. Будешь неаккуратен – другого возьму.

– Я докажу вашему превосходительству, – вдруг храбро заговорил Поздняк, – изволите увидеть, я буду еще пуще радеть.

– Увидим... Когда же свадьба?

– Когда позволите.

– Да уж коли не хочешь малость обождать, так женись скорей, потому что, будучи мужем, все-таки станешь лучше служить, чем теперь. Теперь, поди, у тебя в голове базар, ярмарка, мозги-то небось кверху ногами. Нет, уж поскорей женись.

– Как прикажете...

– Сделай милость! Сегодня суббота, ну, в следующую субботу... не позже.

– Виноват, ваше превосходительство, в субботу венчаться... нельзя-с...

– Ну, там как можно!.. Два раза в году следовало бы позволить венчаться, этак-то сколько бы свадеб не состоялось. Иной бы собрался жениться, да успел бы двадцать раз одуматься, если бы венчали только первого января да первого июля. Ну, так заходи ко мне на квартиру послезавтра, свадебный подарочек получишь... единовременное пособие в размере годового жалованья.

– Ваше превосходительство! – воскликнул Поздняк и тотчас же двинулся с намерением поцеловать начальника в плечо.

– Не люблю этого! – сурово выговорил Трощинский. – Помни, коли разные именины да крестины тебя не изгадят, будешь по-прежнему служить, получишь прибавку жалованья на одну треть.

– Постараюсь всячески заслужить! – говорил Поздняк чуть не со слезами на глазах.

Молодой человек вышел из кабинета начальника, поло-

жительно не чувствуя под собою ног. По дороге в отделение, где он обыкновенно сидел, он натолкнулся на трех чиновников и чуть не сшиб с ног того же солдата с крестом.

Разумеется, двум или трем сослуживцам Поздняк тотчас же рассказал все с ним приключившееся, а затем, когда кончилось присутствие, он полетел на Петербургскую сторону объявить Парашиным о приказе начальства – жениться как можно скорей.

Настенька, разумеется, обрадовалась. Анна Павловна поохала, но уступила убеждениям жениха и просьбам дочери. Было решено, что через четыре дня молодые люди будут обвенчаны в приходском храме.

III

С этого же вечера на Поздняке оправдалось мнение Трощинского. Он не ходил, а летал. Все у него прыгало пред глазами: от сослуживцев в Сенате до последних предметов на улице.

Мысли в голове сменяли одна другую, одна диковиннее другой. Разумеется, главная мысль была Настенька и будущее счастливое супружество, будущая семья; мысли о службе были затеснены.

С первых же дней Поздняк, однако, сам заметил, что у него не все в голове обстоит благополучно, не все в порядке.

На второй день он чуть не вышел из квартиры в туфлях, которые подарила ему невеста. Затем через день, будучи в Сенате, он переписал красиво бумагу, дописал до конца третью страницу и, прежде чем перевертывать ее, по обыкновению, собрался засыпать песком. Но вместо песочницы он ухватил чернильницу и, опрокинув ее, шлепнул чернила на стол и, разумеется, не только залил все, но даже sprysнул и свой мундир. При этом Поздняк так закричал, что все кругом сидевшие чиновники повскакали с мест как шальные.

Конечно, смеху было немало, но сам Поздняк был поражен, как если бы случилось что-нибудь невероятное. Опрокинуть чернильницу вместо песочницы, конечно, случалось часто всюду, да и в Сенате бывало не менее разов двух, трех

в год.

– С кем такое не бывало! – заметил тотчас же один из чиновников.

Но Поздняк был серьезен и задумчив, даже перепуган. Он никогда не допускал мысли, чтобы с ним могло случиться подобное. Это доказало ему ясно, что он находится не в естественном состоянии.

«Вот что значит умный-то человек... Провидец! – подумал он про Трощинского. – Предсказал ведь просто!»

Поздняк при помощи солдата вытер стол, обмыл водой чернильные пятна на своем мундире и затем сел снова переписывать бумагу. Переписывая, он мысленно давал себе честное слово, клятву, быть осторожнее, меньше думать о невесте и свадьбе.

К вечеру, разумеется, все было забыто, кроме Настеньки, и молодой человек снова метался и почти прыгал.

На третий день, когда он по обыкновению явился с докладом, Трощинский принял от него нужные бумаги, проглядел их и усмехнулся.

– Ишь ведь погляди-ка! – выговорил он, показывая пальцем на некоторые строчки. – Смотри-ка. Вот, вишь, у тебя какие крючочки пошли... Вон гляди! Я твой почерк хорошо знаю... Прежде вот этих крючочков не бывало... Ишь ты какая завитушка! А вот это чистый выборгский крендель! А вот тут целая козявка вышла с усами... Это что означает, потвоему?

– Виноват-с... – отозвался Поздняк. – Я перепишу...

– Нет, ты не виноват! А бес в тебе сидит жениховский...

Вот женишься ты, пройдет месяца два, три – и все эти крендели и букашки исчезнут. Теперь, выходит, рука-то балует. Не у спокойного человека действует. Сделай милость, женись ты поскорей!

– Беспременно в пятницу, ваше превосходительство.

– Ну, и хорошее дело! А покуда на вот тебе. Дела все спешные, а особливо одно...

Трощинский взял со стола несколько бумаг и, передавая их секретарю, выбрал одну из них и положил сверху.

– Вот гляди... Это указ Сенату, уже подписанный государыней. Перепиши мне его в двух видах. Да смотри – как-нибудь не выпачкай.

– Слушаю-с. Будьте покойны.

– Один перепиши как можно красивее, только без крючков, пожалуйста. А другой перепиши, как знаешь, – он, собственно, мне лично. Да смотри, говорю, указ не испачкай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.